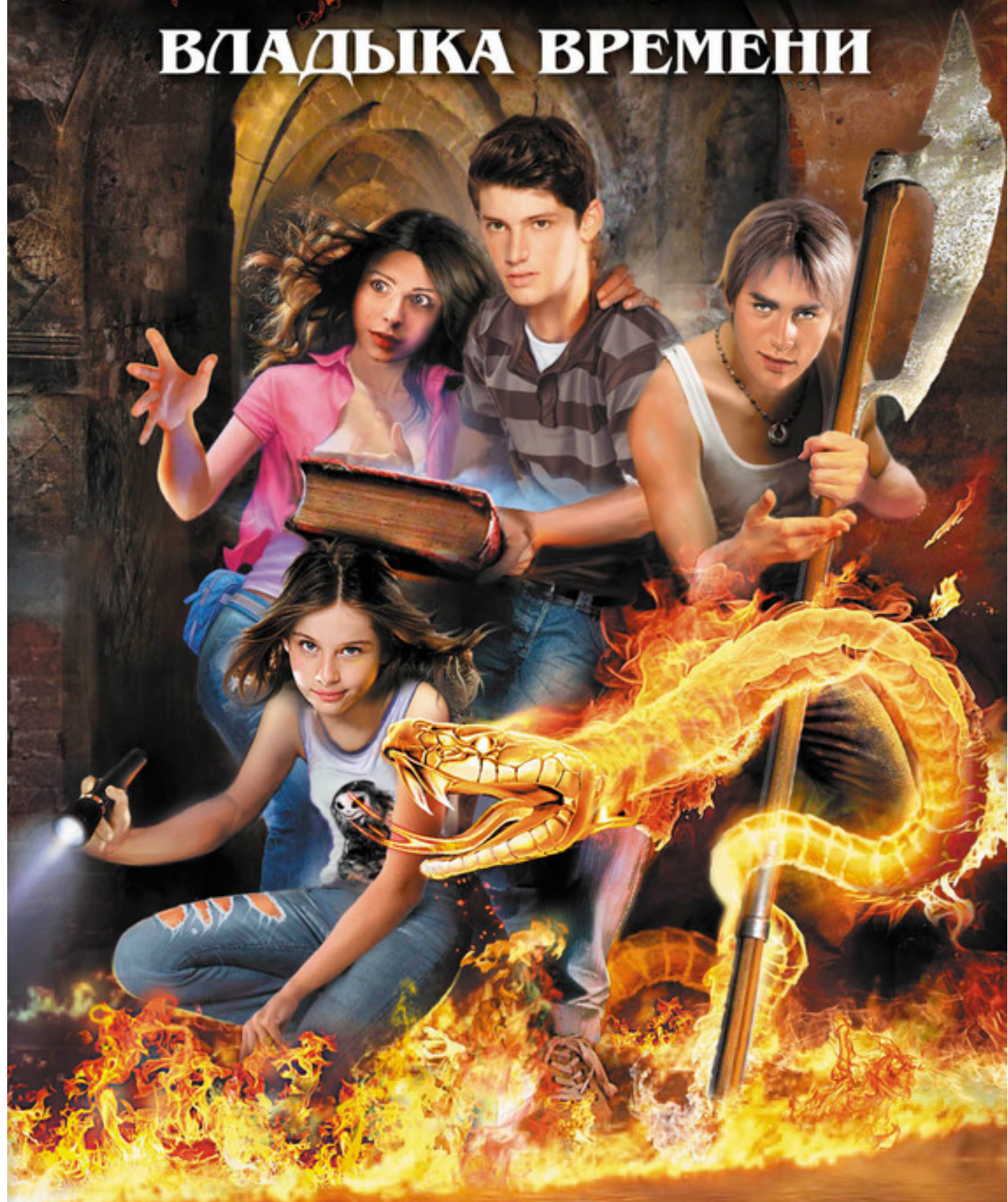

ПОХИТИТЕЛИ ДРЕВНОСТЕЙ

ВЛАДЫКА ВРЕМЕНИ

Екатерина Неволина

Похитители древностей

Екатерина Неволина

Владыка времени

«Автор»

2012

Неволина Е. А.

Владыка времени / Е. А. Неволина — «Автор»,
2012 — (Похитители древностей)

ISBN 978-5-699-57902-0

Их четверо, и они должны найти Либерию – загадочную библиотеку Ивана Грозного, среди манускриптов которой находится бесценная Велесова книга, написанная языческим богом и несущая как добро, так и величайшее зло. Владелец книги сможет не только повелевать временем, но и прочесть будущее. Однако найти библиотеку не так просто, ее охраняют стражи, не ведающие страха и жалости, готовые на все, лишь бы сохранить могущественную древность в тайне.

ISBN 978-5-699-57902-0

© Неволина Е. А., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Екатерина Неволина

Владыка времени

Над ночной Москвой бушевала гроза. Казалось, Господь решил, что семи тысяч семидесяти девяти лет вполне достаточно для существования сотворенного Им мира. Ветвистые молнии раскалывали небо, на мгновение заливая все мертвенно-белым светом. Поверхность реки вскипела от обрушивающихся на нее струй воды. Улицы превратились в бурлящие речки, а переулки в ручьи. Люди за стенами боярских теремов и простых кособоких избенок со страхом прислушивались к гневу стихии, благодарили Господа за то, что находятся под крышей, и молились, чтобы миновал их Гнев Господень, не ударила в дом стрела огненная. Все сравнились перед безумием природы: богатые и бедные, щедрые и скупые, добродушные и злые.

Стрельцы, стоявшие у Боровицких ворот, переживали грозу, набившись в караульную комнату, и даже старый и строгий десятник не возражал, позволяя им это послабление.

– Разверзлись хляби небесные... – он выкрутил насквозь промокшую шапку и принял из заботливых рук подчиненных ковш с горячим сбитнем. – Как бы мост на реке не снесло.

Вдруг грянул оглушительный раскат грома. Неестественно сильный режущий порыв ветра ворвался в бойницу и сорвал пламя с факелов на стенах. Огонь в небольшой жаровне полыхнул, ослепив всех на мгновение, и испуганно погас. В наступившей тьме и тишине несколько глухих ударов сотрясли дверь караулки.

То, что стучали с внутренней стороны, из города, ничуть не успокаивало: кому-кому, а врагу человеческому крепостные стены не помеха.

– Отворяй! – раздался голос, больше похожий на рык, чем на человеческую членораздельную речь.

Кто-то ойкнул, кто-то выбранился по-черному. Федор, молоденький стрелец из ярославских поповичей, затаил псалом «Да воскреснет Бог...», залязгало железо сабель и бердышей¹.

– Отворяй!! – Дверь затряслась, как будто в нее ударили тараном.

– Тихо! – рявкнул десятник. – А ты, попович, продолжай.

Трясушимися руками старший извлек из металлической трубочки тлеющий трут. Нашел на ощупь пицаль, направив ее в сторону содрогающейся под ударами двери. Он был под Казанью и Дерптом, выжил под Судбищами, где кони ходили по бабки в крови², и не боялся никого из живых. Но кто же приходит такой ночью и требует отворить ему двери.

– По моему знаку... – скомандовал десятник, негромко лязгнув хорошо смазанный засов.

Дверь распахнулась. Вспышка молнии озарила комнату и того, кто стоял на пороге. Охнул и перестал читать псалом Федор, а старший не знал, стрелять ему, креститься или встать навтыяжку.

Перед стрельцами предстал думный дворянин, верный человек государев Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский, более известный как Малюта. Мокрый до нитки, под черным налатником тускло мерцают пластины юшмана³. В бледном свете молнии его кожа отливала синевой, а лицо показалось десятнику раздутым, как у утопленника.

– Отворяй! – уже не прорычал, а прошипел страшный гость.

Долг взял верх над страхом.

– Что встали, ироды! – заорал десятник. – Зажечь факелы! Открыть ворота государеву человеку!

¹ *Бердыш* – топор с широким лезвием, надетым на длинное древко.

² Сражение между шеститысячным русским войском под командованием И.В. Шереметьева против шестидесятитысячной крымско-турецкой армии. В результате татары вынуждены были отступить.

³ *Юшман* – вид доспехов с закрепленными на груди крупными пластинами.

Застонала, поднимаясь, кованая решетка, заскрипел засов. Обдавая стрельцов брызгами из-под копыт, пронеслись мимо опричники, похожие в ночи на ожившие сгустки мрака.

– К государю, под Серпухов поехали, с татарами биться, – заметил один из стрельцов.

Десятник долго смотрел в ночь, где вскоре растворился уехавший отряд. «Дурная примета, – решил он, – видать, не жилец Григорий Лукьянович на этом свете. Да и с крымцами, похоже, худо будет». Поразмыслив, опытный воин решил завтра же отправить жену с маленьким сыном к родне, под Кострому.

Когда отряд отъехал от ворот, Малюта приказал сбавить ход. Дорогу развезло. Не хватало еще, чтоб какой-нибудь конь поскользнулся и переломал ноги. И не дай Господь, если это будет одна из двенадцати лошадей, навьюченных тяжелыми сундуками.

С отрядом, помимо опричников, ехали тринадцать холопов, лично тщательно отобранных среди государевой дворни Скуратовым. Послушных, не великого ума, но таких, которых никто не хватится. На них опричные черные плащи с капюшонами, но днем любой, даже невнимательный наблюдатель заметил бы, как неловко ездоки держатся в седле. Слева от Скуратова ехал полный чернобородый человек с добродушным и располагающим выражением широкого лица, на которое, Малюта знал, купилось немало народу. В то же время чернобородый вызывал у Малюты тягучее и тоскливое ощущение ужаса. Чего один взгляд стоит. Посмотрит – до нутра прожжет!

«Ну и компания, ну и погода! Поскорей бы доехать!» – думал Скуратов, ежась под жгучими, словно плети, дождевыми струями.

– Уже по мосту едем, Григорий Лукьянович, скоро будем.

Малюта вздрогнул, неужели чернобородый и впрямь умеет читать мысли. Копыта застучали по дощатому настилу наплавного моста, ведущего на другой берег Москвы-реки.

– Осторожнее, коней берегите, – прикрикнул Скуратов еще раз, и отряд свернул направо, к широким воротам усадьбы.

Малюте меньше всего хотелось приводить эту нечисть к себе. Но чего только не потребует государева служба, а долг – превыше всего.

Во дворе опричники спешили и, не входя в дом, направились к неприметному, невысокому деревянному строению, не то овину, не то курятнику. Отворилась ветхая дверь, запалили факелы и дорогие фонари со слюдяными стенками.

Крыша строения, по счастью, была крепкой. Малюта вытер широкой ладонью лицо, по которому ручьями стекала вода, и, выйдя на середину помещения, скомандовал: «Здесь!»

Несколько половиц легко поднялись, и взглядам открылась ведущая вниз каменная лестница. Он еще раз огляделся: семь опричников, тринадцать холопов, чернобородый – все, кто выехал с ним в эту ненастную ночь из Кремля, никого лишнего.

Проход перегораживала металлическая дверь, запертая огромным замком, который Малюта отпер не менее внушительным ключом, висевшим у него на поясе. Из подземелья дохнуло сыростью и непонятным сладковато-гнилостным запахом.

Низкий свод нависал над головами, с него стекали тягучие черные капли. Стены прохода настолько узкого, что местами приходилось буквально протискиваться, казалось, старались сойтись еще ближе, раздавить, запереть людей. Идти пришлось гуськом. Сундуки тащили за кольца, вделанные в торцевые стенки. Один человек спереди, другой сзади.

Еще дверь, еще один замок, и взглядам открылась большая квадратная комната, освещенная факелами, с зарешеченными клетями по периметру.

Опричники выпрямились, вздохнули вольнее и тут же испуганно сбились в кучу. Вой, рев, проклятия летели из-за решеток камер. Какие-то странные, лохматые, отдаленно похожие на людей существа трясли прутья, бранились, умоляли, просто вопили что-то нечленораздельное. Чистенький, аккуратный старичок, примостившийся на табурете в одном из углов, вско-

чил, выхватил из жаровни кочергу и побежал по периметру комнаты, утихомиривая своих разбушевавшихся постояльцев. После низко поклонился Скуратову и жестами показал, что все, мол, в порядке.

Малюта вздохнул – насколько проще сейчас было бы безоружным остаться против всех этих изменников и лютых врагов, что государь поручил его особому надзору, чем делать то, зачем был послан. Но выбирать не приходилось, и он прошел к следующей двери.

Спустя несколько коридоров и спусков звуки окончательно стихли. Тишина, казалось, желанная после криков и воплей, не принесла облегчения. Она вязко сомкнулась вокруг людей, обтекая, поглощая их, заполняя собой все мысли.

– Душно-то как, – пытаюсь скрыть страх, сказал один из опричников.

Грохот пронесся по узкому коридору. Кто-то из холопов нечаянно выпустил кольцо сундука, и Яков Генден, опричник из немцев, сдержанный, спокойный, не любящий поганить язык, вдруг обложил его самыми отборными ругательствами. Люди сгрудились в коридоре, не решаясь тронуться дальше.

– Пошли. – Малюта тщательно взвел замок дорогой колесцовой пистолы, поднял фонарь, насколько позволял низкий потолок, и едва успел сложить пальцы для крестного знамения, как почувствовал холодную, даже через наруч, войлочный подбой и рубаху, хватку пальцев чернобородого, шедшего следом.

– Не надо этого, боярин, – тихо и ласково прошептал тот, – не шуми. Не то привлечешь внимание кого-то из обитателей сих «чертогов райских», ни крест, ни пистоль тебе не помогут. А если боишься, давай я вперед пойду.

Опричник повел плечом, стряхнул с руки чужие пальцы и медленно, осторожно двинулся вперед. Стены и пол коридора изменились, теперь они были выложены не кирпичом, а крупными, почти в рост человека, грубо обтесанными камнями. Казалось, воздух стал жарким и плотным, а промокшая насквозь под ливнем одежда вдруг высохла и жесткой коркой прилепилась к телу. Малюта вытащил из-за пояса большой цветастый платок и принялся утирать обильно струящийся по лицу пот.

– Жарко тебе, – прошептал ему на ухо таинственный спутник, – потерпи. Сам знаешь, к каким местам мы сейчас близко.

Очередная, преградившая им путь, обитая листами металла дверь не имела ни замка, ни скважины для ключа. Закрыв ее собой от любопытных взглядов, опричник нажал на заклепки в установленном порядке. Первые мгновения ничего не происходило, но вот где-то за стеной зажурчала вода, зазвякало железо, и дверь медленно отошла в стену, открывая взгляду блестящие металлические полозья и зияющий тьмой коридор.

Малюта занес ногу, собираясь сделать шаг. И застыл. Опричника будто ударило в лицо молотом. Он захрипел, пытаясь пошевелиться. Чернобородый за его спиной сделал небрежное движение рукой, будто отталкивал кого-то. Внезапно освободившийся Малюта с размаху растянулся на плитах коридора, едва сумев не разбить фонарь.

Колдун помог ему подняться на ноги.

– Иродово племя! – прошипел Малюта. – Государю вас всех разом сжечь следовало. Глядишь, не навалилось бы на нас столько бед.

– Поздно уже, голубчик, сделанного не воротишь. Мы люди скромные, царю-батюшке полезные. А ты не пугайся, это они тебя помнят, все семь раз по семь, кого ты тут лежать положил. Сердятся. – Чернобородый рассмеялся веселым бесшумным смехом.

– По твоему же наущению!

– Не по моему наущению, а по государеву приказу, для пользы дела. Ну, хватит. Вон люди на нас уже смотрят.

За дверью и коротким извилистым коридором обнаружился очередной зал, сухой, просторный, со сводчатым потолком. Пол был причудливо изборозжен пересекающимися канавками.

– Сундуки сюда вот, у стен, а вон тот в середину, – велел Скуратов.

Пока холопы устанавливали сундуки, Малюта тоскливым взглядом окинул стоявших в стороне опричников. «Молодцы один к одному, снаряжены, как на тяжелый бой. Лучшие ведь из лучших здесь, и верные и умелые. Прости нас, Господи, за то, что творим!» Не торопясь подошел к ним, заговорил негромко:

– Ну что ж, братья, помните, что надо делать? – дождавшись утвердительных кивков, продолжил: – Смилуйся над вами Господь. В Волоцком монастыре вечно за вас молиться будут. Службы вашей царь не забудет, нету ее превыше.

По его сигналу опричники быстро связали холопов, заткнули рты припасенными тряпичками.

– На пол кладите их, – засуетился колдун, – а сами вдоль стен, на сундуки ложитесь. – Он сноровисто влезал в вывернутую наизнанку черную рясу, надевая ее задом наперед.

– Одежду нашу священную поганишь! – взревел Малюта.

– Так то ж для дела, Григорий Лукьянович. Посмотри вокруг. Вот то, что сильнее любых полков, дороже золота – знание, премудрость. Она народами движет, землями повелевает. Полки в боях истают, золото закончится, а это останется. Неужто ты хочешь, чтобы это врагу цареву или изменникам досталось?! А защита моя крепкая, не сомневайся!

Опричник не ответил.

Пыхтел, готовился колдун, кто-то из холопов, догадавшись об уготованной ему участи, истошно завыл, даже сквозь кляп было слышно.

Скуратов отвернулся.

Когда чернобородый закончил, Малюта подошел к лежавшим у стены на сундуках телам. Лица мертвых посерели и заострились. Вместе с тем он не мог отделаться от ощущения, что вот сейчас они откроют глаза. О том, что тогда случится, и думать не хотелось.

– Григорий Лукьянович! – крикнул от двери колдун. – Давай! Пора!

Осторожно, стараясь не наступить в кровавые лужи на полу, опричник подошел к сундуку, вытащил длинный и изогнутый стержень странной формы. Отвернувшись, на ощупь вставил его в замочную скважину, повернул. И, откинув крышку сундука, не оборачиваясь, бросился к выходу, чувствуя спиной страшную, завораживающую силу. Впереди слышался скрежет закрывающейся двери.

Он успел в последний момент. Протиснулся, царапая пластины доспеха об косяк, и обессиленно сполз на пол.

– Силен ты, Григорий Лукьянович! Успел-таки, не затянуло тебя! – Чернобородый колдун радостно приплясывал, держа в руке факел. – Мы с тобой еще послужим государю. Мы тех татар...

В пустом помещении оглушительно громко хлопнул выстрел. На рубахе колдуна проступило красное пятно.

– Зря ты так, – начал было он. Вдруг глумливая ухмылка на его лице сменилась испугом и растерянностью, ноги подкосились.

– Это не свинец, – прохрипел Малюта, – не ты один чародействовать умеешь. Сам тут и посторожишь, для верности. – Он поднялся, цепляясь за стену, вытащил из ножен саблю с широкой елманью⁴ и с оттягом рубанул прямо поперек черной бороды.

⁴ Елмань – расширение на конце сабли для большей силы удара.

В тот момент, когда колдун падал, забрызгивая одежды Скуратова густой темной кровью, Малюта вдруг увидел в темноте коридора человеческую фигуру. Опричнику показалось, будто перед ним парнишка в странной, ни на что не похожей одежде.

– С нами крестная сила! – широко перекрестившись, пробормотал Скуратов.

Никого. Коридор по-прежнему пуст и безлюден. Малюта снова перекрестился, уже успокаиваясь, уверенный, что нечести ни за что не совладать с крестным знамением, и, засучив рукава, приступил к неприятной, но необходимой работе...

А гроза все продолжалась.

Ночные, бурные воды Москвы-реки вдруг осветились вспышкой, как будто лучи солнца в яркий полдень заиграли на воде.

Глава 1

Фея весенних грез

Солнце растекалось по воде, зажигая в ней тысячи искорок.

Глеб стоял у парапета на набережной Москвы-реки.

Конец мая выдался удивительно теплым, вокруг царило настоящее лето, а небо было синим-синим, без единого облачка. Однако Глеб не смотрел на красоты природы, не любовался игрой солнечных лучей в едва подернутой легкой рябью водной глади, не следил, как чутко подрагивает под ласковым ветерком юная, еще клейкая и нежная листва. Его взгляд был устремлен на Патриарший мост, где у большого мольберта стояла тоненькая девушка.

Художница была очень молода, лет шестнадцати, и, безусловно, необычайно хороша – не холодной красотой мраморной статуи, но живой, теплой красотой юной, едва расцветшей девушки. Ее рассыпавшиеся по плечам пышные волосы темно-рыжего цвета казались охваченными пламенем, тонкая бледная, как у всех рыжеволосых, кожа не имела ни единого изъяна, большие ярко-синие глаза как нельзя лучше соответствовали тону сегодняшнего неба. Даже немного большеватый нос с легкой горбинкой вовсе ее не портил. Одета девушка была просто, но со вкусом: белоснежный топик, светлые летние джинсы и белые легкие балетки.

Художница увлеченно рисовала, иногда хмуря тонко очерченные брови и подолгу вглядываясь в игру солнечных переливов.

Глеб смотрел на нее как замороженный. Уже третьи выходные подряд он приходил сюда и наблюдал за чудесной незнакомкой, не решаясь подойти к ней. Нет, он был не из робкого десятка и не боялся никого. Он умел разговаривать с людьми, был красноречив и убедителен. Но это – совсем иной случай. Тоненькая девушка с мольбертом казалась ему феей, пришедшей из волшебной страны. Совершенно не такой, как остальные люди. Глеб завидовал земле, по которой она ступала, траве, которая бесстыдно льнула к изящным девичьим щиколоткам, солнечному лучу, касающемуся нежной кожи щеки.

Он придумывал о ней разные истории. Десятки самых необычайных историй, в которых незнакомка оказывалась то феей, то существом, прилетевшим с далекой прекрасной планеты, то ожившим божеством.

Он давно не верил в сказки. Слишком рано пришлось повзрослеть, слишком многое увидеть, но тут...

Меж тем фея подняла взгляд от своей картины и, посмотрев прямо на Глеба, улыбнулась.

Ну конечно, она не могла не заметить его, когда он стоит соляным столбом и пялится на нее, как на восьмое чудо света. Глеб почувствовал, что на щеках выступает румянец. Это было так ново, так необычно и так волнительно для него!..

Но пора наконец сделать шаг навстречу мечте.

Сердце бешено тарабанило в грудную клетку, словно прося выпустить на волю, в голубое безоблачное небо.

Глеб приблизился к девушке и остановился.

Она подняла на него сияющие глаза.

– Привет, – выговорил он немного хрипло.

– Привет, – она опять улыбнулась – очень солнечно. От этой улыбки сердце опять подскочило. И вправду волшебница.

«Соберись, – одернул себя Глеб. – Ну представь, что она – это вовсе не ОНА, а обыкновенная девчонка. Ну, к примеру, такая как Саша». Мысль о том, что рыжеволосая красавица такая же, как учащаяся вместе с ним Александра, показалась Глебу смешной и невероятной, но он все же, наконец, смог взять себя в руки.

– Прости, ты, конечно, уже думаешь, что я иностранный шпион и знаю только одно русское слово, – пошутил он, улыбнувшись в ответ. – На самом деле это вовсе не так. Просто ты мне очень-очень понравилась.

Самое главное он сказал, Глебу вдруг стало гораздо легче.

– Правда? – Глаза девушки широко распахнулись. – А я думала, тебя наняли, чтобы следить за мной! – отшутилась она. – Я тебя еще две недели назад заметила. Уже боялась, что ты не подойдешь, и придется действовать самой.

– Как действовать? – Глеб скосил глаза на ее мольберт: хаос разноцветных пятен, пока еще не складывающийся в общую картину, но, пожалуй, взгляд у художницы верный и способности есть.

– Подойти самой, конечно! – она засмеялась.

Глеб рассмеялся в ответ, и все сразу стало легко.

– Кстати, я Глеб, – немного запоздало представился он.

– А я Оля.

И вскоре они уже шли по набережной. Глеб нес мольберт, вовсе не чувствуя его тяжести, и увлеченно рассказывал.

– Вон там, где сейчас храм Христа Спасителя, во времена царя Иоанна Грозного стояли палаты, занимаемые Опричным приказом. Помнишь из истории – опричники были, как скажи бы сейчас, личной гвардией и полицией царя. Они, исполняя его приказы, отыскивали изменников и расправлялись с ними. Задумка, может, и неплохая, а на деле, как всегда, вышло довольно скверно. Позавидует, скажем, опричник знатности и богатству боярина – объявит его изменником, самого убьет, а имение разграбит. В общем, много крови было тогда пролито. Особенно, говорят, Малюта Скуратов лютовал. Его владения, кстати, вон там, на другом берегу реки были... А потом, когда опричников, в свою очередь, кого казнили, кого прочь прогнали, на месте Опричного приказа монастырь женский построили. Потом уже, в девятнадцатом веке, здесь же решили храм в благодарность за спасение от наполеоновского нашествия построить и женский монастырь приказали разрушить. А настоятельница тогда приковала себя к стене и прокляла это место страшным проклятием: мол, не стоять здесь ничему. Так и было – недолго простоял новый храм, в советские годы его до основания разрушили. Но теперь вот заново отстроили... И все-таки есть здесь что-то, от чего мне каждый раз становится не по себе. Словно сквозняк...

Девушка поежилась, будто тоже почувствовала дуновение холода, о котором говорил Глеб.

– А ты веришь в проклятия? – спросила Оля, глядя на сияющие под солнцем купола.

– Нет. – Глеб решительно покачал головой. – Хотя, знаешь, на свете есть многое, что люди пока объяснить не могут.

В этот солнечный безмятежный день, рядом с Ольгой, он не хотел верить ни во что плохое. Жизнь казалась ему упоительной сказкой. Легкой и волнующей, как Ольгины духи, прекрасной, как ее улыбка.

– Так нечестно! Зачем тогда меня пугаешь?! – возмутилась она.

– Я не пугаю, я интригую, – ответил он, – многие любят страшные истории. А ты нет?

– Я... – Ольга задумалась, – наверное, не очень. Я веселое люблю. И мороженое, – добавила она, глядя на летнюю палатку.

– Отличная идея! – поддержал Глеб. – Пошли выберем.

Они прогуляли до самого вечера, а потом, в легких майских сумерках, он провожал ее домой, читая стихи.

Из тени в свет перелетая,

Она сама и тень и свет,
Где родилась она такая,
Почти лишенная примет?.. —

читал он Арсения Тарковского.

— Ты необыкновенный, — выдохнула Ольга, когда они стояли у подъезда большого, сталинской постройки, дома. — Никогда не встречала таких парней!

Сладко пахло черемухой, и все вокруг казалось таким ослепительно прекрасным, что у Глеба приятно зануло сердце.

Он едва поверил, когда позади послышался глумливый голос.

— Ого, вы только полюбуйтесь на этого залетного гуся!

Глеб резко оглянулся. Трое парней самого что ни на есть бандитского вида — бритые и широкоплечие, — ухмыляясь, стояли перед ним.

— Чё молчим? От страха в штаны наложил! — заржал один из парней, видимо, бывший у них за лидера. — Неча по чужим дворам шататься, чужих девчонок клеить!

Ольга сжала локоть Глеба.

— Все нормально, ребята, — примирительно сказала она. — Он уже уходит, у вас нет причин для ссоры.

— Правда, что ли, принцесска? — лидер протянул лапу с коротко, подстриженными ногтями и приподнял лицо Ольги за подбородок. — Хорошо, мы его отпустим, только с условием. У нас одно малюсенькое, но приятное условие! Правда? — Он подмигнул своим дружанам, и те радостно заржали. — Пусть принцесска нас поцелует!

Бритоголовый дурашливо сложил губы трубочкой и зачмокал, изображая поцелуй.

Глеб смотрел на трех крепких парней, и где-то в глубине, за пределами сознания, рождалось липкое, отвратительное чувство страха. Он уже видел таких. Память услужливо вырисовывала картинку...

Грязный двор, слежавшиеся серые кучи старого полурастаявшего снега, кирпичная стена, и четверо, обступившие худого невысокого мальчишку.

— Ну что, малец, мы научим тебя уважать старших!

Самому старшему из них было восемь. На два года больше, чем Глебу.

Глеб сжал кулаки, отыскивая взглядом палку или кирпич. Как назло, поблизости ничего...

— Я вам всем покажу! А мой отец вас всех побьет! Вы знаете, кто мой отец?

Мальчишки захохотали.

— Никто! — закричал один из них, соорудив рожу. — Нет у тебя отца! Нет и никогда не было! — И изо всех сил ударил Глеба ногой.

Следом навалились приятели. Всем скопом...

Глеб вздрогнул, отгоняя воспоминания. Все изменилось. Теперь все совершенно не так. «Я уже другой», — сказал себе он и взглянул прямо в глаза главарю подонков. Ничего особенного. Глебу уже приходилось видеть таких. Шакалы, опасные в стае, но трусливые и готовые к паническому бегству, если сила вдруг оказывается не на их стороне.

— Опустит руку, — холодно сказал он. — Мне не хочется с вами драться, это нечестно.

Конечно, Глеб догадывался, что толку от его слов не будет, он и не ждал толку. Вряд ли эти знают, что такое честь, но попробовать можно. На всякий случай.

Однако, как говорится, хочешь мира — готовься к войне.

Глеб осторожно снял с плеча мольберт и пристроил его у стены.

– Ой, а оно еще разговаривать умеет! – еще громче захохотал бритоголовый. – Как там в школе учат? Толян, подскажи, ты ж у нас умный!

– «Ах, Моська, знать она сильна, коль лает на Слона!» – гордо процитировал один из шайки, очевидно, отработанную во многих диалогах реплику.

– Лает на слона? – переспросил лидер. – Не, так не годится. Сейчас мы справедливость наводить будем. Чтобы кто не надо без толку не лаял.

Он выпустил Ольгу и поплевал на руки, выражая готовность немедленно перейти к действиям.

– Ребята, не надо! Давайте уладим мирно! Я... – Девушка бросила испуганный взгляд на Глеба. – Я согласна.

И тут Глеб ударил. Легко, без замаха, угодив носком правой ноги главарю в грудь. Тот покачнулся и упал на землю.

Глеб посмотрел на оставшихся, чуть приподняв бровь.

Пацаны переглянулись.

– Он что, каратист? – неуверенно пробормотал парень, цитировавший Крылова.

Оба замялись, не решаясь напасть.

Тем временем главарь поднялся с земли, видно, еще недоумевая и считая происшествие недоразумением, он опять полез к Глебу.

Тот легко блокировал беспорядочные удары и, поднырнув под руку противника, вновь заставил его ткнуться в землю.

– Валим отсюда! – Любитель Крылова, видимо, бывший самым сообразительным из тройки, первым отступил с поля сражения.

Его товарищ последовал за ним. Последним уходил посрамленный вожак. Уходил, словно побитая собака – боясь повернуться к врагу спиной, но отбредиваясь.

– Я еще отомщу! Ты у меня еще пожалеешь, – обещал он, впрочем, не слишком убедительно.

Глеб его угрозы проигнорировал и повернулся к Ольге:

– Как ты? Все в порядке?

Девушка смотрела на него широко распахнутыми глазами. Глеб улыбнулся, ему было приятно. Все это происшествие случилось словно специально для того, чтобы он мог произвести на Ольгу наилучшее впечатление.

– Я и не знала, что ты умеешь драться! – произнесла она, глядя ему в глаза. – Знаешь, я испугалась. Эти стихи, история... Я думала, что ты такой... – девушка замялась.

– Слабый? – уточнил Глеб. – Нет, то, что я люблю стихи, историю и искусство, вовсе не означает, что я не могу постоять за себя и за тех, кто мне дорог.

– Ты потрясающий!

Их разделял всего шаг, и Ольга вдруг сделала его, оказавшись вплотную к Глебу, быстро поцеловала его в губы, подхватила мольберт и вбежала в подъезд.

– Ольга... – прошептал Глеб. Это имя казалось ему пьянее вина и слаще карамели.

Как же хорошо, что он ее встретил! Да разве можно пройти мимо этой рыжеволосой волшебницы.

Глава 2

Частички мозаики

Что-то случится. Глеб не знал, откуда в нем взялась эта уверенность, но вдруг почувствовал близкие перемены. Тревога незваным гостем постучалась в его сердце. Что-то случится, и притом совсем скоро.

Возвращаясь от Ольги, он завернул за угол дома и вдруг увидел, что навстречу идет человек в странной длиннополой одежде и высокой шапке. Незнакомец казался чужим современной Москве, словно его, как Элли в своем домике, занес сюда неведомый ураган. Чужой, неправильный, неестественный.

В отсветах фонарей Глеб ясно разглядел густую медно-рыжую бороду и блеск дорогих, украшенных то ли стекляшками, то ли настоящими драгоценными камнями, пуговиц.

Это было такое странное зрелище, что Глеб ущипнул себя за руку и зажмурился. И правильно – стоило вновь открыть глаза, и незнакомца уже не было, только ветер гнал по асфальту пустой бумажный пакет, играя с ним, словно резвый щенок.

«Какой бред! Должно быть, я схожу с ума», – подумал парень. Тревожное ощущение не проходило, однако Глеб все же смог взять себя в руки. Мало ли что померещится. Постепенно он убедил себя, что просто устал и перевозмущен, а затем и забыл о появлении странной фигуры и стал думать об Ольге, встреча с которой казалась ему настоящим чудом. Даже подумать страшно, что они могли бы никогда не встретиться, разминувшись в густой московской толпе. Население Москвы – более одиннадцати миллионов. Легко ли отыскать среди этих одиннадцати миллионов единственного, своего человека?..

Глебу пришлось вернуться в самый центр города, где на одной из узких змеистых улочек был припаркован его «Kawasaki».

– Ну, друг, пора домой, – сказал парень, заводя мотор.

Мотоцикл послушно взревел и резво сорвался с места.

Глебу нравилось ехать по ночной Москве, глядя на смазывающиеся в одну линию огни фонарей, ощущая у щеки упругие струи ветра, глядя, как проносятся мимо огни – фонари, дома, машины... Скорость – это свобода. Кажется, вот-вот оторвешься от земли и улетишь к темному, поблескивающему редкими звездами небу.

Маршрут лежал на окраину города, но Глеб преодолел это расстояние быстро, за каких-нибудь тридцать минут, и вот уже ловко затормозил у металлических ворот небольшого одноэтажного здания.

– Поздновато сегодня, – буркнул охранник, нажимая на кнопку.

Ворота натужно заскрипели и открылись.

– Разминался, – усмехнулся Глеб, вспоминая происшествие с бритоголовыми. – Хорошего дежурства, Серег.

– И тебе не болеть, – отозвался тот, снова меланхолично уставившись в экранчик небольшого черно-белого монитора. Охрана у них серьезная – только профессионалы. Глебу иногда нравилось в свободное время помахаться с Серегой. Охранник его, кстати, частенько бил, а вот Северина – нет.

Глеб припарковал «Kawasaki», набрал на двери код и вошел в помещение.

Сразу после небольшой прихожей шла гостиная, откуда можно было попасть в остальные помещения дома: на кухню, в комнаты и учебные классы, и кабинет директора. Тренировочный зал и бассейн находились в подвале или, если говорить цивилизованно, на минус первом этаже.

В гостиной царил полумрак, и Глеб решил, что там никого нет, когда вдруг услышал голос.

– Привет, а ты сегодня поздно...

Он оглянулся. В кресле у окна едва угадывался девичий силуэт.

Александра. Странно, что она сидит здесь в темноте вместо того, чтобы, как всегда, корпеть над книгами. «Интересно, – отчего-то вдруг подумалось Глебу, – а у нее есть парень?.. Навряд ли», – тут же решил он.

Они учились вместе уже два года и постоянно были друг у друга на глазах, однако редко говорили о чем-то постороннем и никогда – о личном. Глеб не хотел рассказывать о себе, у Саши, наверное, имелись собственные секреты. А может, все дело в замкнутом, как и у самого Глеба, характере и склонности к скрытности.

Александра была его ровесницей, ей тоже исполнилось шестнадцать. Если бы Глеба спросили, красива ли она, он бы наверняка пришел в замешательство. Это было бы для него примерно то же, что и вопрос об учительнице географии. Иными словами, он никогда не смотрел на нее как на девушку и, разбирая ее внешность детально, безусловно, признал, что у Саши аккуратные и правильные черты лица, прямой нос, небольшой тщательно вылепленный подбородок, умные светло-карие глаза, тонкая, скорее бледная, кожа и густые светло-каштановые волосы, всегда очень ровно подстриженные и находящиеся в идеальном порядке. Фигура, бесспорно, красивая, особенно изящные тонкие запястья и щиколотки. Да, пожалуй, Александра симпатична, только... только Глебу от этого ни холодно ни жарко. Гораздо больше эмоций он испытывал, глядя, скажем, на критскую статуэтку или покрытую патиной старинную монету, а идея сравнить Александру с Ольгой и вовсе казалась ему утопической и святотатственной.

– Привет, что сидишь без света? – в свою очередь, задал вопрос Глеб.

– Так, отдыхаю.

Она пошевелилась, и Глеб заметил, что на коленях у девушки – толстенный альбом по искусству. Ну что же, ничего удивительного. Александра полностью в своем репертуаре: серьезная зубрила, идеальная ученица, умничка, успевшая освоить несколько древних и современных языков, разбирающаяся в искусстве фактически на уровне профессора университета.

«Да какой там парень. Она, кроме учебы, вообще ни о чем не думает!» – мелькнуло в голове у Глеба.

– А где ребята? – снова спросил он.

Александра пожала плечами, но, опомнившись, что ее не видно, подала голос:

– Северин тренируется, Дина, как всегда, у себя, вернее в «Варкрафте»... Кстати, Евгений Михайлович заглядывал. Он хотел с тобой поговорить. Полчаса назад уехал.

Глеб нахмурился. Евгений Михайлович – руководитель частной школы, где все они проходили обучение, был для Глеба непререкаемым авторитетом. Парень многому у него научился, особенно в области психологии и социологии. Глеб не хотел лгать своему руководителю, но и рассказывать об Ольге казалось ему совершенно невозможным. Неудачно вышло, что тот зашел так неожиданно. «Ничего, – успокоил себя Глеб, – как-нибудь выкручусь. Расскажу обо всем, кроме Ольги».

– Да, спасибо, Саша, – отозвался он ровным голосом, в котором не сквозило даже тени беспокойства, – сейчас его наберу.

Она промолчала, но Глеб чувствовал на себе ее внимательный взгляд. «И что смотрит?» – с раздражением подумал он, но тут же одернул себя: вот что значит нечистая совесть – начинаешь нервничать из-за всяких пустяков. Глеб не мог позволить себе нервничать и тем более испытывать раздражение к кому-нибудь из членов команды: слишком большая ответственность на нем лежала, слишком важна была их миссия.

– Ну, давай, спокойной ночи. Я тоже сейчас немного почитаю – и спать. – Он улыбнулся, чувствуя, как негатив, точно дождем, смывается этой улыбкой.

– Спокойной ночи, – отозвалась Александра, все так же неподвижно сидя в своем кресле. Да, критская статуэтка или медная монета, пожалуй, даже эмоциональнее.

Глеб прошел в свою комнату, включил свет, осветивший по-спартански простую обстановку: светлые стены; узкую, похожую на солдатскую кровать, аккуратно заправленную и застеленную светло-защитным покрывалом; небольшой стол, на котором стоял ноутбук и лежало несколько словарей; прибитую над столом полку – тоже со справочными материалами. Ни единой личной вещи, словно Глеб не жил здесь, а остановился на одну ночь в гостинице, чтобы с рассветом продолжать путь.

Без рыжеволосой феи весь его мир был аккуратен, выверен и холоден, как январский снег.

Парень подошел к окну и, отодвинув край простых, почти офисных жалюзи, взглянул на темное небо.

Интересно, что сейчас делает Ольга? Может быть, тоже стоит у окна и думает о нем? И тогда они сейчас смотрят на звезды – словно в глаза друг другу... Глебу очень хотелось немедленно набрать ее номер, чтобы услышать тихий нежный голос. Достав мобильник, парень повертел его в руках и решительно нажал кнопки.

– Евгений Михайлович, это Глеб. Вам удобно сейчас говорить?..

Звонить Ольге было бы проявлением слабости. Слабости Глеб позволить себе не мог. Он позвонит ей завтра в два. Ни минутой раньше.

* * *

Над частной школой плыла майская ночь. Где-то сладко и тревожно выводили трели соловьи.

Одноэтажный особняк погрузился в сон. Спала Дина, самая младшая из группы, ей снилось завивающееся спиралями пространство, через которое текли десятичные коды, и она сама плыла по этому океану, ловко маневрируя между единицами и нулями.

Спал Северин здоровым крепким сном, чувствуя приятную усталость после удачной тренировки. Сейчас его не разбудишь даже выстрелом из пушки.

Чутко дремали в полглаза в своих будках охранник Серега и его напарник Влад.

Спала Александра. Повернувшись на левый бок, она беспокойно вздрагивала и шептала что-то неразборчивое.

Глеб лежал в своей кровати с открытыми глазами, уставившись на равнодушный потолок. Сон бежал от него, как лань от охотника. Парень и сам не понимал, что именно с ним творится, отчего беспокоит сердце. Предчувствие. Глеб назвал бы это именно предчувствием. Но почему? Откуда? Зачем этот странный холодок, который он уже ощущал сегодня посреди жаркого солнечного дня?.. Евгений Михайлович выслушал его и укорил за то, что Глеб вступил в стычку с хулиганами. «Ты же знаешь, как важен для нас. Запомни, Глеб, ты принадлежишь не себе, а всей группе», – напомнил он, и Глебу стало стыдно – и за ту глупую стычку, и за то, что он скрывает от своего наставника нечто... важное... Может, именно стыд не давал ему сейчас заснуть, заставлял неотрывно пялиться в потолок, словно на нем огненными буквами был написан ответ на все самые важные вопросы.

Не написан. Глеб закрыл глаза.

«Я считаю до десяти. На счет десять я погружусь в сон. Один. Мое тело расслабленно. Мне тепло, я чувствую, как теплая волна разливается по моему телу. Два. В голове нет никаких мыслей – только образы подступающего сна. Три. Дыхание ровное, оно все реже, я погружаюсь в сон...»

На цифре «десять» он наконец заснул.

И только неутомимая луна, узеньким серпом выглядывающая из-за тучи, никак не могла успокоиться, и свет ее был тревожен и таинственен.

* * *

Утро в частной школе начиналось, как всегда, довольно рано. В семь подъем, с семи пятнадцати до восьми тридцати – занятия в тренажерном зале.

Глеб пришел в зал на десять минут раньше, но Северин уже был там и усердно занимался, наматывая километры на беговой дорожке.

– Привет, – поздоровался с ним Глеб, занимая соседнюю дорожку. – И хорошего утра.

Он начал разминку с ходьбы, но почти сразу перешел на легкий бег. Мышцы после вчерашнего растяжения болели. Но Глеб, вспоминая удивление и восторг в глазах Ольги, не сомневался: оно того стоило! Еще как!

– И тебе хорошего утра, – отозвался Северин.

Глеб скосил глаза на его приборную доску. Надо же, бегают уже полчаса, а все такой же свежий, будто только-только встал на дорожку. И вообще спит ли он когда-нибудь или так и занимается круглые сутки?

Северин действительно выглядел бодрым. Он был не слишком высоким – пальца на два ниже Глеба, зато поджарым, сильным и очень ловким. С внешностью у него тоже все было в порядке: пепельно-русые волосы, прямой нос и синие, действительно напоминающие о Севере, глаза. Он был почти на год младше Глеба, однако Глеб не рискнул бы столкнуться с ним в поединке. С физической подготовкой у Северина было не то что хорошо, а очень хорошо. Например, с вчерашними мерзавцами он расправился бы вдвое быстрее, чем Глеб, и сегодня наверняка не страдал бы от растяжения. Иногда Глебу казалось, что приятель вообще сделан из резины или, вернее, из гибкой перетекающей, как ртуть, стали. Быстрый. Сильный. Смертельно опасный.

– Привет, мальчики!

В зал вошла Александра. Как всегда, аккуратная и собранная. Волосы стянуты в тугую ровную косу, на губах – улыбка. Вот только щеки, как показалось Глебу, немного бледноваты, впрочем, в этом наверняка виновно освещение.

– Привет, – хором отозвались мальчики.

Александра заняла велотренажер и принялась крутить педали. По ее отсутствующему выражению лица было заметно, что девушка целиком погружена в свои мысли. Но докучать ей разговорами никто не стал: Северин был слишком сосредоточен на тренировке, а Глеб тоже думал о своем. Об Ольге.

Последней, с десятиминутным опозданием, отчаянно зевая, появилась Дина – тоненькая хрупкая девочка, примерно по грудь Глебу, с большими орехово-кариими глазами и вечно растрепанными темными, в черноту, волосами.

Она была самой младшей из группы, ей исполнилось всего тринадцать лет, однако уже сейчас мало кто из матерых программистов мог поспорить с ней, к тому же девочка отлично разбиралась во всех электронных и электрических устройствах, могла с закрытыми глазами разобрать и собрать телевизор или плеер. В общем, реально заслуживала уважения, хотя держалась несколько в стороне от других членов команды и со спортом не очень-то и дружила.

– Давай, Динка, становись, я уже закончил. – Глеб остановил свою дорожку – хорошенького понемножку.

Дина недовольно поморщилась, но на дорожку встала и зашагала, включив самый щадящий режим.

– Ну что ты так? Как ты станешь действовать в полевых условиях, если не будешь нормально тренироваться? – спросил Глеб. Он, как старший, опекал всю группу, а к Динке относился словно к младшей сестре, постоянно требующей серьезного надзора.

– Слушай, как можно столько времени на такое глупое занятие тратить? – пробурчала Дина, тем не менее немного ускоряя дорожку. – Бежишь, бежишь – и все без толку, никуда не прибегаешь.

– Зато в процессе ты извлекаешь много пользы, укрепляя свои мышцы и тренируя тело и дыхание, – заявил Северин, и Глеб с завистью отметил, что, несмотря на бешеный темп, тот даже не запыхался, а голос звучит по-прежнему ровно. – Ты прямо как дитя...

– Я не дитя!! Сколько можно повторять?! – зло крикнула Дина, топнула ногой и едва не слетела с беговой дорожки.

– Не обижайся, Дин, я не имел в виду ничего плохого. Ну прости, сама знаешь, я тупой, чего на меня обращать внимание? – попытался решить вопрос мирно Северин.

Но Дина и сама уже успокоилась. Обреченно махнув рукой, она продолжила тренировку, и Глеб отошел к силовым тренажерам.

После тренировки пришел черед легкого завтрака. Ребята собрались в столовой, и приходящий повар тетя Нина выставила на стол тарелки, в которых дымились овсянка с кусочками яблок – еда по-солдатски простая, но отчего-то, по мнению руководства школы, полезная. Александра, как всегда, едва поковыряла в своей тарелке, а вот Северин и Дина ели с удовольствием. У Северина всегда был отменный, буквально волчий, аппетит, а Дина просто любила кашу. Впрочем, подшучивать над ней по этому поводу Глеб бы не стал, зная, как обижают ее любые намеки на возраст.

Сам Глеб ел медленно и основательно, усвоив полученный на практике урок: нужно есть, пока существует такая возможность, не всегда известно, будет ли, скажем, обед или ужин.

Две недели назад, как раз перед тем, как он впервые увидел Ольгу, группа вернулась с практики, проходящей в Сибири. Их выгрузили посреди заснеженной равнины с заданием найти и добыть бубен легендарного местного шамана. Дополнительным условием являлась проверка способности выживать, поэтому припасы у ребят были минимальными, а денег не полагалось совсем. Это было первое серьезное тренировочное задание, но группа уже сработалась между собой, и каждый отвечал за свою часть.

Глеб и Северин определили положение отряда на карте и проложили вероятный маршрут. Они же занимались охотой, пока ребята шли к селению, хотя основную добычу приносил Северин. Вопрос коммуникации с местными жителями лег на Глеба, Александра вела культурологические расспросы, а Дина занималась подсчетами и помогала в обработке сведений.

С заданием они справились, хотя напряженные моменты были. Например, когда Дина провалилась в медвежью берлогу, или когда их едва не застукали за раскопкой кургана, или когда приняли за сбежавших из воспитательной колонии для несовершеннолетних. Глеб выкрутился из этих ситуаций. В последнем случае самым простым было бы позвонить руководителю школы Евгению Михайловичу, однако это было бы провалом испытания, и Глеб справился сам.

В Москву возвращались на деньги, полученные от продажи добытых Северином шкурок, и с бубном, опьяненные собственным успехом.

– Да, именно то, что нужно. Молодцы, – сухо сказал Евгений Михайлович, когда к нему явилась команда уставших и перепачканных (кроме Александры – она умудрялась выглядеть ухоженной хоть в тундре, хоть у медведя в берлоге) ребят.

Глеб сперва даже расстроился от такой реакции, но тут же понял: именно так и нужно. Они просто делают свою работу, то, для чего их воспитывают в школе, а значит, это не требует особой благодарности и похвалы. Справились – следовательно, все хорошо, что еще тут говорить. Это правильно, это по-взрослому. Только детей хвалят за простые и очевидные вещи: «Покушал – вот молодец!...»

Но солдатский принцип: ешь, пока у тебя имеется возможность, привился Глебу буквально с одного раза, с первого голодного дня в тайге.

И вот теперь им, очевидно, предстоит новое задание, уже не тренировочное, а настоящее. Вчера во время телефонного разговора Евгений Михайлович сказал, что им нужно встретиться и серьезно поговорить. Глеб, конечно, был рад этому, однако уже сейчас думал о том, что означает задание именно для него. А означает оно ни больше ни меньше, как то, что с Ольгой он какое-то время не увидится. Очень плохо, учитывая факт, что они едва познакомились, и девушка навряд ли отнесется к его исчезновению благожелательно. Объяснить же ей что-либо было невозможно – Глебу и в голову бы не пришло разглашать секретные сведения.

– Что-то случилось?

Глеб вздрогнул. Александра, отставив почти полную тарелку, смотрела на него. Да и Северин с Диной недвусмысленно косились в его сторону.

– Нет, с чего ты взяла? – парировал он, придя себя.

Девушка вопросительно приподняла брови:

– Вообще-то по тебе видно. Ты сегодня весь в себе.

– Может, он влюбился? – предположила непосредственная Динка.

Глеб строго посмотрел на нее и опять перевел взгляд на Александру.

– Ты вообще-то тоже сегодня загадочная, – протянул он, разглядывая ее.

Александра вдруг покраснела, словно он сказал нечто неприличное, и отвернулась.

Глава 3

Обычный день занятий

Евгений Михайлович должен был появиться во второй половине дня, а пока в школе присутствовала только его заместитель Светлана и учителя – занятия, как-никак, никто не отменял.

Светлана – женщина, угадать возраст которой казалось невозможным – может быть, двадцать шесть, а может, все сорок, тренировала Глеба в области психологии.

– Сегодня у тебя легкий день, – объявила Светлана, усаживаясь напротив своего ученика.

Они сидели в маленьком учебном классе: удобные мягкие кресла, стол с двумя соединенными в сеть компьютерами. Мягкие, но яркие тона, спокойный свет... Комфортная рабочая обстановка в лучшем ее проявлении. И сама Светлана – скорее не учитель, а партнер, деловая дама. Очень красивая, с креативной ассиметричной стрижкой, всегда в костюмах, но не скучных офисных, а тоже необычных. Глеб любил разглядывать ее кольца, хотя обычно женские украшения проходили мимо его внимания. Но тут нельзя было не заметить смелое сочетание золота и серебра, а то и вовсе черный металл, образующий чашу, в центре которой лежала черная же жемчужина. И пахло от Светланы необычно – ладаном и ромашкой. Холодный, завораживающий запах...

– Ты помнишь, для какой цели мы все здесь собрались? – спросила Светлана, пока Глеб исподволь разглядывал ее и думал о том, как мало они похожи с Ольгой, а ведь каждая красива по-своему... Только от холодной красоты Светланы его сердце не вздрагивало, он оценивал ее, словно произведение чистого искусства, которое невозможно не оценить всякому, обладающему художественным вкусом.

– Да, конечно, – Глеб сморгнул и мысленно подобрался. – Мы здесь для того, чтобы стать профессиональной и слаженной группой, способной выполнять ответственные задания.

Светлана кивнула.

– А зачем все это? – задала она новый вопрос.

Зачем? Станный вопрос. Разве они не обсуждали это уже много раз – и со Светланой, и с директором, Евгением Михайловичем. К чему тратить время на бесполезные вопросы, когда можно было бы, скажем, встретиться с Ольгой... У них ведь не так много дней в запасе.

Глеб вспомнил, как солнечный луч скользит по ее солнечным волосам, как девушка улыбается и смотрит на него...

Нет, не нужно сейчас думать об этом!

– Затем, чтобы мы могли помочь нашей стране выйти из затянувшегося кризиса и завоевать лидирующее положение в мире, – ответил он. – Мы должны находить и извлекать из небытия вещи, наделенные силой.

Светлана глубоко вздохнула и наклонилась чуть ближе к Глебу, обдав его новой волной ладана и ромашки.

– Глеб, все, что ты говоришь, – правильно, – с сожалением произнесла она, – но ты сегодня все утро думаешь о чем-то другом. Я не вижу в тебе искренности. Глеб, еще не поздно. Если ты хочешь отказаться от своей миссии – ты волен идти. Понимаешь, ты ничем нам не обязан, ты совершенно свободный человек.

– Но... Как же я могу уйти? А группа?

Светлана задумчиво покачала головой.

– Если с нашим делом не будут все твои мысли, если ты не станешь стремиться к поставленной цели, твое присутствие как главы группы принесет только вред, а не пользу, разве ты не понимаешь?

Глеб, безусловно, понимал. Как понимал и то, сколько сил, времени и искреннего участия на него потрачено. Здесь, в школе, с самого первого дня с ним беседовали и к нему прислушивались. Здесь его научили быть сильным и способным постоять за себя. Для него сделали так много, что для благодарности не хватит целой жизни. И, самое главное, ему дали цель. Настоящую значимую цель, ради которой и стоило жить.

Образ смеющейся девушки с глазами цвета безоблачного неба растаял, потесненный более важными задачами. Теперь Глеб действительно сосредоточился.

– Простите и давайте начнем занятие. То, к чему мы готовимся, – действительно самое важное для меня дело, – ответил он.

– Ну что же, перейдем к тестам, – просто сказала она.

И Глеб был благодарен ей за то, что она не стала распространяться, говоря о том, что вот наконец он собрался, не стала разводить демагогию или требовать от него слов, подтверждающих фанатичную преданность делу.

Компьютер был уже включен, оставалось только надеть шлем и, отключившись от внешнего мира, погрузиться в 3D-реальность. Для многих сверстников Глеба то, чем он занимался сейчас, показалось бы простой игрой, однако это были тесты, моделирующие различные ситуации, возможные при реальной работе группы.

Как поступить в том или ином случае. Как подобрать нужный шифр и код. Что делать, если твой товарищ ранен. Как вести себя в случае, если вас завалило. Как поступить, если ваше прикрытие было раскрыто невольными свидетелями.

Глеб уже проходил подобные тесты. Каждый раз они были новыми и требовали большого напряжения. Особенно он не любил ситуацию с появлением свидетелей. Здесь требовалось, в зависимости от обстановки, принять мгновенное решение. Порой решение, так сказать, не слишком популярное.

В это время у Александры тоже был свой урок. Профессор Олег Семенович, очень забавный старичок со старомодной бородкой, всегда очень галантный и предупредительный, настоящий джентльмен, таких сейчас, наверное, больше не осталось, беседовал с ней о книгах.

– Моя милая Сашенька, только взгляните, что я вам принес, – говорил он, извлекая из своей потрепанной сумки сверток.

Александра бережно приняла его из рук учителя и, положив на стол, аккуратно развернула бумагу.

Внутри, как и ожидалось, обнаружилась книга. У нее был красный переплет с выполненной золотым тиснением надписью на французском.

Девушка осторожно открыла книгу, медленно пролистала ее, прислушалась к шелесту страниц, наклонившись, понюхала бумагу.

– Басни Лафонтена. Первое прижизненное издание знаменитого художника Густава Доре. Тысяча восемьсот шестьдесят восьмой год. Оригинальный издательский переплет, тройной золотой обрез. Состояние отличное, однако в середине книги не хватает двух парных гравюр. Книга хранилась, скорее всего, в частной коллекции, однажды была реставрирована на профессиональном уровне.

Олег Семенович довольно закивал, и его жидкая бородка смешно затряслась.

– Ну с этим все просто. А извольте, милая Сашенька, взглянуть вот на это, – профессор быстро убрал Лафонтена в сверток и поместил его обратно в свой портфель, а взамен вытащил другой сверток.

Раскрыв его, девушка обнаружила книгу в самодельном бумажном переплете.

Над ней Александра просидела дольше.

– О, это очень ценная вещь, – наконец, сказала она. – Так называемое «Учительское Евангелие». Под поздним переплетом середины девятнадцатого века скрывается подлинное изда-

ние тысяча пятьсот шестьдесят девятого года. Одно из тиража, отпечатанного Иваном Федоровым в Литве, в Заблудове. Это первое Евангелие, изданное на территории Литвы. Титульный лист отсутствует, однако имеется предисловие. Отпечатано «в лист». Пронумеровано триста девяносто девять листов, в то время как всего в книге их четыреста восемь. Бумага с разными водяными знаками, польско-литовского происхождения. До настоящего времени сохранилось сорок четыре экземпляра такого Евангелия. Данное одно время принадлежало некоему Семиону Барыжину, о чем свидетельствуют буквы, по одной нанесенные в правых верхних углах страниц книги. Пролистав ее, можно прочесть надпись, датирующуюся, судя по особенностям орфографии, серединой девятнадцатого века: «Книга сия принадлежит рабу Господа Семиону Барыжину». Очевидно, владелец являлся купцом. Реставрация и переплетные работы осуществлены, скорее всего, в его время.

– Умница, Сашенька, – похвалил профессор. – В нашем деле нет мелочей. А что вы скажете вот об этом? Прочтите, пожалуйста.

Он так же быстро и ловко, как прежде, произвел замену свертков.

Под бумагой оказалось факсимильное издание.

Александра бегло просмотрела листы и подняла на профессора недоуменный взгляд.

– Вы смеетесь, Олег Семенович? Это же библия криптографии – так называемая книга Войнич. Прочитать ее пытаются уже много лет. Все, что известно о тексте, это то, что он написан пером, слева направо. Язык искусственный. Структура его более монотонна, чем в естественных языках. Иногда одно и то же слово повторяется три раза подряд, так же необычно часты слова, различающиеся между собой только одной буквой. Сама рукопись, если правильно помню, была создана в начале пятнадцатого века... Ученые не исключают, что это мистификация, бессмысленный набор знаков.

– Ну-с, Сашенька, вы молодец. Не знаю уж, чему еще учить вас, – довольно заулыбался профессор. – Наш маленький экзамен вы выдержали. И я очень уповаю на то, что вы всерьез займетесь научной работой. По правде говоря, в университете вам уже делать нечего, однако ваш юный возраст не предполагает пока самостоятельных изысканий... Надеюсь увидеть вас у меня на кафедре и что родители ваши не будут против.

Услышав эту, казалось бы, совершенно безобидную фразу, девушка вдруг отчаянно покраснела и опустила голову.

– Я вас чем-то обидел? – всполошился старый профессор, смешно засуетившись.

– Нет, все хорошо, – ответила Александра. – Все хорошо, – повторила она, словно пыталась убедить в этом кого-то.

В это самое время Северин, сжав виски руками, сидел на полу тренировочного зала, а тренер, склонившийся над ним, пытался его успокоить.

– Не переживай, парень, я сам виноват, – говорил мужчина, прижимая полотенце к своему разбитому лицу.

Северин не отвечал, только еще глубже втянул голову в плечи.

– Ну что ты, все нормально. Я сам пропустил удар, это бывает...

Парень упрямо покачал головой и наконец взглянул в лицо тренеру. В синих глазах плескался такой ужас, что взрослый мужчина вздрогнул.

– Понимаете, – быстро заговорил Северин, словно боясь, что его перебьют, – я сам не знаю, что на меня иногда находит. Как будто и не со мной все это... Я понимаю, что спортсмену, бойцу, прежде всего нужен самоконтроль... Но я не знаю...

Он запнулся и замолчал.

– Ничего, – тренер потрепал парня по плечу, – ты просто еще не научился рассчитывать собственные силы. Ты необычайно силен и проворен, пошел бы в спорт – как пить дать, были бы у тебя и победы, и золотые медали... А проблемы... У кого их не бывает? Да не жмись,

видишь, я на тебя не сержусь. Ну подумаешь, переусердствовал, впредь будешь лучше контролировать себя. Так?

Парень с надеждой кивнул.

– Вот и отлично, – подытожил тренер. – И Евгению Михайловичу об этом вовсе знать не надо.

– Но...

Тренер усадил обратно пытающегося встать Северина.

– Я сказал не надо – значит, не надо. Или ты мое доброе имя опозорить хочешь? Представь, как надо мной смеяться будут: собственный ученик избил, едва не покалечил.

Северин нерешительно улыбнулся. В ярко-синих глазах, сквозь тревогу, проступила надежда.

– И чего ты расселся? – вдруг спросил тренер, в притворном гневе сдвигая брови и тут же поморщившись от боли в разбитом лице. – Давай вставай, занятие еще не закончилось. Нечего тут отлынивать! Ишь ты, нашел предлог!..

Парень, разумеется, тут же с готовностью вскочил, вставая в позицию напротив тренера. Юность легко забывает свои тревоги.

А еще в одном учебном классе, этажом выше, разворачивались не менее драматические действия – Дина, зло сопя, писала сочинение. Вернее, не то чтобы писала – скорее сидела над девственно-чистым листком бумаги и яростно грызла ни в чем не повинную ручку.

Ольга Ивановна, читавшая для нее гуманитарный обязательный курс школьной программы, сдвинула очки на лоб и внимательно посмотрела на свою ученицу.

– Дина, может быть, ты все-таки займешься сочинением? – спросила она строго.

Девочка скорчила недовольную гримасу.

– И зачем мне это сочинение? И почему его требуется писать на бумаге, когда гораздо легче – на компьютере?.. – пробормотала она.

– И ошибки за тебя Word исправит, – подсказала Ольга Ивановна.

– А что...

Дина отложила ручку, а в голове девочки тут же пронеслась мысль, что, если построить дискуссию нужным образом, времени на сочинение может и не остаться. Почему бы им просто не поговорить? Лучше бы, конечно, через Сеть – так Дине удобнее, но при нынешней альтернативе...

– А почему бы и нет, – с готовностью подхватила девочка. – Вот зачем мне эти сочинения? Что мне этот Печорин и прочие? Я на литературный поступать не собираюсь!

– Дина, – учительница укоризненно покачала головой, – когда ты пишешь сочинения, ты развиваешь свой мозг, учишься думать и выражать свои мысли. Это просто необходимо тебе для общего развития. Ты же не хочешь отставать от своих сверстников?

Девочка недоуменно пожала плечами.

– У нас с ними просто разные взгляды и разные достоинства. Вот скажите, Ольга Ивановна, кто из моих сверстников может МП-3-плеер собрать? А вирус хороший написать? Что вы головой качаете? Думаете, это мозг не развивает? Еще как развивает, можете мне поверить!

Ольга Ивановна тяжело вздохнула: что ни говори, подопечная ей досталась непростая. Думала ли она, что так обернется, когда радовалась, получив щедрое предложение заниматься в частном порядке с одаренной девочкой?.. Деньги, конечно, весьма неплохие, но эта Динина одаренность у нее уже, честное слово, в печенках сидит! Может быть, девочка и гений, но очень себе на уме, и управиться с ней фактически невозможно.

– Дина, ты и так занимаешься по упрощенной гуманитарной программе, – тем не менее терпеливо продолжала она. – Разве я даю тебе много заданий? Вот представь, сделаешь ты, скажем, какое-нибудь открытие или учебник по своей информатике написать захочешь. – При

слове «информатика» Дина, не удержавшись, хмыкнула, но Ольга Ивановна не заметила или решила не акцентировать на этом внимание. – Так вот, потребуется тебе написать серьезную работу, а ты даже формулировать свои мысли нормальным языком не умеешь, да и ошибок по десять штук на два абзаца лепишь.

– Но вы же сами говорили: Word исправит? Зачем же мне от руки писать? – Дина глядела на нее по-детски чистыми недоумевающими глазами.

– Word не все ошибки исправляет, – говорила учительница, комкая в руке бумажный одноразовый платочек, от которого уже и так остались одни ошметки, – и потом, разве ты не хочешь быть грамотной, в тех же... как их там? Ах да, в тех же чатах на правильном русском выражаться?

– А зачем, если все как хотят, так и пишут? Разве никто не поймет, о чем я, если я напишу «корова» через «а»? Зачем чему-то учиться, если все равно все понимают? Нет, вы мне, Ольга Ивановна, объясните! Вдруг я все-таки пойму?

И учительница, скорбно вздохнув, вновь принималась за объяснения.

В общем, до конца занятия Дина протянула, и вправду умудрившись не написать ни строчки.

Несчастливая Ольга Ивановна поняла, что происходит, уже только когда в комнату заглянул Егор, занимающийся с Диной физикой и математикой.

– Ну что, как моя любимая ученица? Настроение боевое? – бордо спросил он.

– Ага! – улыбаясь, отозвалась Дина.

И тут Ольга Ивановна, как-то разом осознав происходящее, отчаянно покраснела и, зажав руками пылающие щеки, пулей вылетела из класса.

– Что это с ней? – услышала она за спиной недоумевающий голос Егора, но что ответит их ученица, уже выслушивать не стала.

Глава 4

Ответственное задание

Евгений Михайлович, человек еще не старый, но с висками, густо убеленными сединой, принял Глеба в своем кабинете – маленькой, совершенно скромной комнатенке, едва ли не худшей во всей школе, и, как равному, протянул для пожатия руку.

– Ну как настроение? – спросил он, когда парень уселся в предложенное кресло.

Вопрос не предполагал развернутого диалога, и Глеб односложно ответил и кивнул, показывая, что готов слушать.

– Знаю, что вы уже рветесь в бой, – широко улыбнулся директор. – Застоялись, вон даже Дина бунтует, сочинения писать не хочет.

– Я с ней поговорю, – пообещал Глеб и снова уставился на Евгения Михайловича. За многообещающим началом должно последовать не менее перспективное продолжение.

– Вот и хорошо, потому что учиться вам тоже надо. Хотя знаю, все вы здесь гении, у каждого – свои таланты. Поэтому мы вас и выбрали в свое время. К тому же, помнишь, я говорил тебе, что у нас, у взрослых, часто глаза зашорены, мышление закостенелое, стереотипное, а вам, молодым да рьяным, везде дорога. Вы на самые обыденные вещи иначе смотрите... Нда... – директор задумчиво вздохнул. – В общем, есть для вас первое настоящие задание. Серьезное задание, ответственное...

Он опять сделал паузу, а Глеб немного наклонился вперед, чтобы не упустить ни единого слова. Они и вправду очень давно ждали, когда их наконец перестанут обучать и муштровать, а дадут реальное дело. Об этом горячо мечтала вся группа, даже сдержанная Александра, а уж о нетерпеливой Дине и говорить нечего!

– Да, я слушаю вас, – подтвердил Глеб, следя за тем, чтобы голос звучал по-взрослому спокойно и даже равнодушно, чтобы Евгений Михайлович не распознал юношеского нетерпения.

Но директор, конечно, все понял и немного хитро и очень тепло, с пониманием, улыбнулся.

– Так вот, Глеб, – сказал он, снова становясь серьезным, – задание непростое. Ты, конечно, слышал о Либерии – библиотеке Ивана Грозного.

– О той, которую ищут уже не первое столетие, а некоторые из ученых подвергают сомнению само ее существование? – уточнил Глеб.

– Вот именно. – Евгений Михайлович покрутил в руках массивную ручку с золотым пером и вновь положил ее на стол. – Только у нас есть документы, подтверждающие, что она и вправду была, – директор положил перед Глебом толстую кожаную папку. – Вот здесь ксерокопии разных документов. Посмотрите, подумайте, поищите. Вдруг что-то и отыщется. Не выйдет – не будет. Но кто не ищет, то не находит. Не правда ли?

– А мы будем искать саму библиотеку или что-то конкретное? – уточнил парень, принимая тяжелую папку.

– Умница. – Евгений Михайлович ласково улыбнулся. Его строгое лицо сразу стало мягче, а возле глаз появились морщинки-лучики. Сейчас директор казался заботливым отцом, и Глеб хотел бы, чтобы у него был такой отец – строгий, очень умный и добрый. – Ты зришь прямо в корень. Конечно, вся библиотека Ивана Грозного представляет огромную ценность. Но главное не это. Главное в том, что есть в ней особая Книга, по преданию писанная самим богом Велесом... Не та, что является подделкой и содержит всякие стишки да былиночки. Другая, истинная, обладающая Силой. О ней известно мало, дошли только редкие сведения. Судя по легендам, эта книга дает знания. А что более важно, чем знания, в современном мире?

– Это как энциклопедия, что ли? – усмехнулся Глеб. – Так за прошедшее время все ее секреты наверняка устарели.

– А вот и нет. В Книге записано прошлое и будущее до скончания человеческого рода. Имея ее, мы сможем легко влиять на события. Вот помнишь, например, взрывы в Московском метро. А если бы у нас была эта Книга, мы бы смогли спасти десятки жизней! А войны, а катастрофы!..

Глеб задумался. Евгений Михайлович говорил действительно очень убедительно.

– А если будущее уже записано, скажем, то, что погибнут конкретные люди, возможно ли изменить это? Тогда ведь выйдет, что в Книге написана ложь?..

– Вот это и есть так называемая временная петля. Фантастику читал?

Парень кивнул. Да, ему попадались книги, в которых люди из будущего попадали в прошлое, меняли его, в результате чего изменялось и будущее... но это не всегда случалось к лучшему.

– Ты думаешь о нашем праве вмешиваться в историю, – проницательно заметил директор, глядя на ученика, – но разве плохо, если мы спасем невинные жизни? Если благодаря нам кто-то сможет любить, радоваться, завести семью, растить детей.

Глеб вздрогнул. С семьей в его случае было стопроцентным попаданием. И действительно, разве плохо – делать добро?.. Где-то на задворках сознания маячила смутная мысль, что столь могущественная Книга может принести не только добро – информацией можно распорядиться по-разному... Но она же попадет к Евгению Михайловичу, человеку, которому Глеб доверял безусловно. Наверняка он придумает, как сохранить Книгу, не допустить ее попадания в нечестные руки.

– Вы правы, – медленно проговорил он. – Но где она может быть? Что о ней вообще известно?

– Я знаю, что Велесову книгу пытались прочесть в начале тринадцатого века, и тогда поперли на Русь орды монголо-татар, а затем сразу после смерти Ивана Грозного.

– Постойте, – не выдержал Глеб. – Как же ее пытались прочесть после смерти царя, когда в этот период Библиотека уже исчезла?

– В том-то и дело, – Евгений Михайлович подмигнул, – что кто-то в те времена знал, где она спрятана. Почитай потом документы из папки.

– Но погодите, – вновь спросил Глеб, – но зачем нам Книга, если оба раза попытки прочесть ее не принесли пользы? В первый раз, как мы помним, история обернулась многовековым игом, да и второй раз дело вышло кровавое?

– В том и суть, Глеб, чтобы все с умом делать. В руках неразумного, корыстного или жаждущего личной власти человека эта Книга принесет лишь беды. Мы же не для себя, а для страны добра желаем. Велес хоть и дикий бог, но своих в обиду не даст. Сам знаешь, как Руси сейчас помощь нужна.

Глеб задумался, наклонив голову. Сомневаться в словах Евгения Михайловича оснований не было.

– К тому же не мы одни ищем Книгу, – добавил директор. – Наше дело – опередить других охотников и не допустить, чтобы мощный и опасный артефакт попал в недостойные руки.

Глеб кивнул.

– Ну вот и хорошо, – одобрил Евгений Михайлович. – Иди. Посмотрите документы, поговори с ребятами... Я от вас скорого решения не требую – не дело это наскоро решать. Возьметесь – хорошо, а на нет и суда нет.

Глеб вышел из кабинета, прижимая к груди толстую папку. Сердце билось учащенно. Первое задание. Первое настоящее задание. Это казалось сказкой. Тем более для робкого испуганного мальчика, которым он был когда-то давным-давно.

После обеда был предусмотрен небольшой перерыв перед второй частью занятий, и все четверо учеников этой странной школы собрались в гостиной, чтобы поговорить.

– Вот такое задание мы получили, – сказал Глеб, коротко передав остальным свой разговор с директором.

– Ура! – взвизгнула Динка, от нетерпения подскочив на диване. – Наконец-то нормальное дело, а то всякая ерунда – тупые занятия, сочинения...

– Да уж, наслышан о твоих подвигах, – сухо перебил ее Глеб.

– Нажаловалась! – Динка состроила гримасу, выражающую искреннее презрение к учительнице. – Так она сама увлеклась и про пользу сочинений и изучения русского-литературы весь урок проболтала! Я-то при чем?

– Пользоваться слабостями других – это неблагородно, – объявил Глеб.

– Ну конечно! – снова усмехнулась девочка. – А сам? Вспомни, как во время нашей северной экспедиции директоршу местного музея обрабатывал! Любо-дорого посмотреть! Так что я, можно сказать, твоя ученица!

Динка с наглым видом уставилась на Глеба. Помощь пришла откуда не ждали.

– Дина, можно подумать, тебе десять лет, – раздался спокойный, уверенный голос.

Оба спорящих посмотрели на Александру.

– Все, что ты говоришь, – детские отмазки, достойные песочницы, – продолжила та. Девушка сидела на краешке кресла, сложив на коленях руки. – Мы с Глебом тоже проходили обязательную программу. Наша работа сопряжена со многими опасностями и неожиданностями, и никогда не предугадаешь, какие знания потребуются тебе в следующий момент. Иногда есть всего лишь секунда, чтобы принять единственно правильное решение. Поэтому то, что ты сорвала занятие, не делает тебе чести.

– И способно привести к провалу всей экспедиции. Ты можешь подвести не только себя, но и всех нас, – с готовностью подхватил Глеб.

– Из-за обычного сочинения? – возмутилась Динка.

– Нет, не из-за сочинения, а из-за отношения к делу. Тебя выбрали, оказали доверие... – Глеб взглянул на девочку обличающе.

– Но я... – на глазах у Динки выступили слезы, но она тут же отвернулась и сжала маленькие кулачки. На ее худеньких ручках проступали все косточки, были видны все венки.

– Все, ребят, кончайте, – проговорил Северин, молчавший все это время. – Достаточно. Глеб, ты, кажется, рассказывал о нашем задании.

Динка всхлипнула, подтверждая свой статус затравленного и несправедливо обиженного ребенка.

– Да, ты прав. Вернемся к делу, – согласился Глеб, который и сам уже понял, что Дину не стоит пережимать. – До этого момента все было учебой, игрой, даже наше путешествие на север, где нас подстраховывали, за нами следили и пришли бы на помощь в сложной ситуации. Теперь же все будет зависеть от нас. И успех поисков, и судьба нашей организации.

– А вдруг это просто еще одно испытание? – предположила Александра.

Глеб покачал головой.

– Я знаю Евгения Михайловича и наблюдал за ним, когда он говорил. Это действительно важно и это настоящее дело, я уверен.

– Ну что же, – Северин кивнул, – лично я готов и сделаю все, что от меня зависит. Но сейчас, как понимаю, пока не моя епархия. Вначале Глеб и Саша проведут свою теоретическую часть, изучат документы, проверят источники, выработают версии...

– И я тоже! – вмешалась Динка, уже прочно забывшая о недавней обиде. – Я тоже могу участвовать в сборе информации. Ищите пока в своих источниках, а я покопаюсь в Сети, вдруг наткнусь на что-нибудь любопытное.

– Вот и отлично, – согласился Глеб. – Предварительный план считаем утвержденным. Мы с Александрой делим между собой принесенные бумаги и изучаем их...

– Еще надо будет посмотреть сами оригиналы. В нашей работе нет мелочей, – добавила Александра, цитируя своего любимого учителя.

– Да, конечно, – согласился Глеб. – Дин, тебе еще задание. Мы выпишем список источников, а ты узнай, где хранятся оригиналы, и предварительно выясни, как можно получить к ним доступ. Согласна?

– Конечно!

К Динке уже вернулось хорошее настроение.

– Да, и про учебу забывать не стоит. На этапе предварительного сбора информации учеба будет продолжаться по прежнему графику... Ну, может, с небольшими послаблениями, – поспешно добавил Глеб, заметив, как вытянулось Динкино лицо. – Но пока мы не перешли к практической части поисков – никаких отлыниваний. Все это очень серьезно.

На этом план был принят, а Глеб, взглянув на часы, вышел на крыльцо, чтобы без свидетелей позвонить Ольге, мысли о которой он гнал от себя целое утро.

* * *

– А я думала о тебе. – Ольга взглянула на Глеба и быстро отвела глаза. – Ты так не похож на других парней и все молчишь. Вернее, разговариваешь, только потом я понимаю, что, оказывается, болтала все это время я, а ты ничего о себе не рассказываешь...

Они сидели за столиком кафе. За окном проносились машины, а здесь было тихо и уютно. На столиках, накрытых милыми клетчатыми скатертями, стояли букетики цветов и маленькие свечки-таблетки, играла негромкая музыка – не отвлекающая от беседы, напротив, своим журчанием создающая для нее фон... Ольга ковырялась ложечкой в высокой креманке с разноцветным мороженым, перед Глебом стояла чашечка кофе, к которому он до сих пор даже не притронулся.

– Мне не о чем рассказывать. – Глеб старательно изучал несложный узор на скатерти. – Пока вся моя жизнь – это учеба, причем не такая творческая, как у тебя. Я скорее историк. Поэтому постоянно копаюсь в книгах. Типичный книжный червь.

– Ага, типичный. А тех бритоголовых как отделал, – хмыкнула девушка.

– Ну это пустяки. Просто они не ожидали отпора, – поспешил оправдаться Глеб, ругая себя за то, что в прошлый раз решил порисоваться перед Ольгой и уложил хулиганов самым эффектным способом, на который был способен. – Вот у меня есть приятель, Северин, он справился бы с этим гораздо быстрее и легче.

– Он вампир, обладающий суперспособностями? – Ольга улыбнулась, поднимая взгляд от креманки.

Глеб, встретившийся с ней взглядом, залюбовался безоблачной синевой ее глаз. Ему хотелось рассказать Ольге все, чтобы между ними не было ни единой тайны, да что там, даже тени тайны... Но он не мог. Это был вопрос не предпочтений, а необходимости. Это была не его тайна.

– Нет, просто он очень любит спорт и... научил меня кое-каким приемам. – Глеб снова устался в стол. Как же тяжело балансировать на грани правды и чувствовать невозможность быть полностью откровенным с любимой девушкой! Как же это тяжело! Он осознавал, что отношения, построенные на зыбком песке полуправды, обречены на провал, и страдал уже сейчас, а Ольга, не понимая, смотрела на него чистыми недоумевающими глазами.

«Может, лучше закончить все прямо сейчас? Так будет легче и для меня, и для нее?» – мелькнула в голове мысль.

– Не хочешь рассказывать о себе – не надо. Как-нибудь потом. Знаешь, я не должна этого говорить, девушки обычно не говорят об этом, но ты мне нравишься. Не бросай меня, хорошо? – быстро проговорила Ольга, вертя в тонких пальцах бесполезную ложечку.

– Я тебя не брошу. – Глеб сжал ее руку и посмотрел Ольге в глаза. – Я обещаю.

Они были вместе, и все остальное не имело значения, а голова сладко кружилась. Вот какое, оказывается, настоящее счастье.

Глава 5

Первые сведения

Вечером Глеб вернулся в школу в прекрасном настроении и вывалил на стол подарки. Пакет из «Макдоналдса» с картошкой и клубничным коктейлем – для Дины. Гадость, конечно, но что делать, если Динка обожает еду из «Макдоналдса». Вот и сейчас, едва завидев угощение, она радостно завизжала и кинулась Глебу на шею. Обрадовать ее легко. Не то что Александру и Северина. Им Глеб привез пирожных, и реакция одариваемых оказалась далеко не столь бурной и непосредственной. «Углеводы. Спасибо!» – заметил Северин, целиком запихивая в рот небольшой эклер. Саша промолчала и даже не притронулась к угощению. Глебу казалось, что в последнее время она замкнулась еще сильнее, чем обычно.

Просиживает целый день над бумагами из толстой папки, переданной Евгением Михайловичем. Глеб только один раз отвлекся, поехав на встречу с Ольгой, а теперь вот наткнулся на острый, словно клинок, взгляд Александры. Девушка тут же отвела глаза, но Глеб едва подавил в себе желание оправдаться, объяснив свое отлынивание от важного дела.

«Неужели для Александры действительно нет ничего, кроме чувства долга?» – снова подумал он, глядя в ее спокойное лицо. Она снова не смотрела ни на него, ни на принесенные пирожные, уткнувшись в документы, но даже линия плеч, даже зависшее над бумагами запястье изящной руки говорили об отрешенности, отгороженности. Казалось, будто девушка закована в непроницаемую ледяную броню.

«А способна ли она влюбиться?» – спросил себя Глеб, и Александра, словно поняв его мысли, еще ниже склонилась над столом, а щеки вдруг едва заметно окрасились румянцем.

– Удалось найти что-нибудь? – задал вопрос Глеб, чтобы прервать это ставшее неловким молчание.

– Пока ничего особенного. Больше недомолвок и предположений, чем реальных фактов. Меня удивляет, как часто, едва взявшись за поиски, их останавливали. Так было и в тысяча семьсот двадцать четвертом году, когда Конон Осипов написал прошение государю, ссылаясь на сведения, полученные им от дьяка Макария о существовании под Кремлем тайных комнат, доверху заставленных сундуками с книгами. И в тысяча восемьсот девяносто четвертом году, когда князь Щербатов, увлеченный идеей, словно Шлиман нашедший золото легендарной Трои, отыскать Библиотеку, вдруг легко отступил от, казалось бы, сжигавшего его желания. И позже, уже в наше время, когда в тысяча девятьсот восемьдесят девятом году инженер Апалос Иванов опубликовал в журнале «Наука и жизнь» статью, рассказывающую об обнаруженных им под храмом Христа Спасителя подземных ходах. А ведь там находилось здание царской опричнины. Иванов и не сомневался, что ход к Библиотеке начинался именно из опричнины! И что же? Опять ничего! Поиски остановлены и объект законсервирован.

Александра говорила много и быстро, словно тоже старалась словами заполнить эту странную неловкость между ними.

И Глеб, конечно, поддержал девушку.

– Ты тоже веришь в так называемое проклятье Библиотеки? – спросил он, усаживаясь в кресло напротив.

– Я понимаю, что это звучит дико. – Александра коротко взглянула на Глеба, но тут же вновь усталилась в бумаги. – Но мне кажется, дыма без огня не бывает.

– То есть Софья Палеолог, привезшая на Русь большую часть книг, составивших так называемую Библиотеку Ивана Грозного, все-таки была колдуньей и наложила на Библиотеку проклятье?

Глеб поудобнее откинулся на спинку и улыбнулся. Разговор получался занятный.

– Я не знаю. Возможно, проклятье не имело искусственной формы, но что-то с Библиотекой все же не так. Возможно, это связано с книгой, о которой рассказывал Евгений Михайлович. Кстати, сведения о ней и вовсе носят фантастический характер. Это не мешает тебе попытаться ее отыскать?

– Туше!⁵ – засмеялся Глеб, выставляя вперед раскрытую ладонь. – Мы действительно в самом начале пути, а в этом деле полным-полно всего странного. Кстати, давайте соберемся сегодня вечером и обговорим все, что удалось уже найти. Полезно проговаривать все вслух, это порой дает самые неожиданные и блестящие результаты.

– Согласна, – кивнула Александра. – И давай пока не будем обсуждать наши позиции в отношении Библиотеки – до вечера совсем немного времени, а я не разобрала еще уйму документов, – она указала рукой на лежащую на столе пачку.

«И все же не смогла не уколоть за то, что я шляюсь где-то и трачу время зря», – подумал Глеб и решительно придвинул к себе свою долю бумаг:

– Не могу поспорить. Тогда за дело.

Вечером все четверо собрались в гостиной.

Глеб подвинул свое кресло поближе к центру, Александра, наоборот, подальше отодвинула свое, укрывшись в углу, почти у занавесок, Дина и Северин разместились на диване, причем Дина залезла на него с ногами и уютно устроилась, обхватив себя за коленки.

– Наверняка все уже знают суть дела, но я все же поясню ее буквально несколькими словами, – заговорил Глеб, едва все расселись. – Что мы ищем? Собрание книг, называемое Либерией – Библиотекой Ивана Грозного. Часть этой коллекции образовали тома, привезенные невестой Ивана Третьего Софьей Палеолог, часть, по легенде, перешла еще от собрания Владимира Мономаха или, по другой версии, из библиотеки, собранной известным мистиком, владыкой над духами царем Соломоном. Если говорить о так называемой Велесовой книге, версия с Владимиром Мономахом представляется мне интересной.

– Ты правда веришь в визардов эпических уровней? – поинтересовалась Динка и, посплюнявив палец, принялась тереть какую-то царапину на коленке.

– Этот вопрос мы оставляем за скобками, – улыбнулся Глеб. – Наше дело – попытаться найти библиотеку и Велесову книгу, разбирать ее, по счастью, не наша задача. Итак, давайте посмотрим, что у нас есть на данный момент. Александра?..

Все взгляды обратились к девушке. Она вздрогнула, но тут же взяла себя в руки и официальным тоном сообщила:

– Я прочла отрывки из мемуаров некоего Теодора Фридриха Эймена. Это был наемник, швейцарец, офицер. Приехал в Россию еще при Федоре Иоанновиче. Служил ему, Борису Годунову, Лжедмитрию Первому. После покинул службу, вернулся на родину. Оставил довольно подробные мемуары, в том числе и о Московской Руси. Они никогда не издавались и дошли до нас в первоначальном рукописном варианте. Сейчас рукопись находится в частной коллекции и недоступна широкому кругу исследователей. Здесь факсимильная копия отрывков, относящихся к нашей теме, справка об авторе и о рукописи, а также перевод. Первое упоминание Библиотеки я встретила, когда Теодор пишет про Лжедмитрия и иезуитов: «Тогда они, отчаявшись, просили царя, чтобы он дал им собрание старых книг, оставшихся от его отца. Даже эту просьбу он отклонил, сказав, что эти книги сейчас находятся не в Москве...» «Я много слышал об этих книгах, – пишет он далее. – Люди говорили, что один из русских царей получил их в приданое». Это он о Софье Палеолог и Иване Третьем, – пояснила Саша.

Динка зевнула. Исторические подробности не слишком ее интересовали.

⁵ *Туше* – в фехтовании – удар, нанесенный в соответствии с правилами.

– Между прочим, – Александра бросила в сторону девочки укоризненный взгляд, – дальше начинается фантастика, просто как в твоих играх. «Говорили также, что в этом собрании содержатся книги, принадлежавшие некогда царю Соломону и позволяющие управлять духами и предсказывать будущее. Так или иначе, это собрание книг представляет большую ценность и сколь отрадно то, что иезуиты не сумели его получить, столь же печально, что оно находится в руках народа столь дикого, как московиты».

– Вот урод, – буркнул Северин. – «Дикий народ», а служил он почему-то у нас и жалование, наверное, брать не стеснялся, и в глаза совсем другое говорил.

– Не спеши с выводами, – возразила Александра. – Это нормально для европейца того времени. То, что мы сейчас называем двуличием: умение подстраиваться под обстоятельства, говорить людям то, что они хотят услышать, считалось тогда скорее положительным качеством. Дальше самое интересное: «Говорят, что царь Иоанн поручил эти книги заботам Бориса Годунова, который тогда еще был одним из придворных и пользовался его доверием, а тот, став царем, нередко обращался к ним. Когда же Дмитрий, ныне именуемый себя царем, вошел с войском в пределы Московии, Борис, предвидя печальную свою участь, спрятал книги где-то в московском замке. Но это странно: правление Бориса было отмечено многими бедствиями и неудачами. Едва ли, имея возможность повелевать могущественными духами, царь не воспользовался магией». Дальше наш наемник пишет, что сомневается, что книги у царевича Дмитрия. Мол, приезжал один провинциальный дворянин, болтавший, будто знает, где Библиотека. Дмитрий приказал схватить его и посадить под стражу, а арестованный возьми да помри на третий же день заключения. Наш швейцарец считает: болтуна отравили, боясь, что тайна Соломоновой книги будет раскрыта...

– И с тех пор никто Библиотеку не видел... – мрачно произнесла Динка, мусоля кончик косы.

– А разве книги не искали? – спросил Северин.

Глеб улыбнулся: ну, сейчас начнется! Похоже, Александра всерьез прониклась темой мистической тайны, связанной с Библиотекой.

– Конечно, искали. И в Москве – вблизи Кремля и Коломенского, и вне ее пределов – в Александровской слободе, любимой вотчине царя Ивана Грозного, и в Вологде. – Саша, забывшись, подалась вперед и действительно выглядела взволнованной. Ее глаза блестели, а на бледных щеках появился легкий румянец. – Но нигде дело не доводило до конца и, едва обнаруживали что-либо, поиски сворачивали. А еще известно, что многие, искавшие Библиотеку Ивана Грозного, либо погибли до срока, либо ослепли. Вот отсюда и пошла легенда о проклятии Библиотеки.

– Ага! Могу подтвердить, сама много об этом разыскала, – согласилась Динка. – Кстати, наткнулась я тут на описание одной легенды. Я, понятно, судить о ней не могу, – девочка хмыкнула и искоса взглянула на Глеба, – потому как часть мозга, отвечающая за гуманитарное развитие, вообще атрофирована...

– Глупости, – прервал ее Глеб, – ладно, поняли мы, какая ты непризнанно-одаренная, давай к сути.

Динка пожала худенькими плечиками:

– А что. Суть проста. Прочитала я об одной былине. Правда, полного текста там нет, только короткое описание, но уже интересное. Речь идет о некой Голубиной книге, в которой обо всем на свете написано. Не то ли, что вы ищете?

– Может, и то, а может, и нет. – Глеб, откинувшись на спинку кресла, наблюдал за товарищами. Динка еще совсем ребенок. Гениальный, конечно, но все-таки ребенок. Все для нее кажется забавной игрой. Не рано ли брать ее в настоящее дело? Но как же без нее? Пусть в ней еще много детского, это даже хорошо. Повзрослеть она всегда успеет, но вот вернется ли эта непосредственность? Навряд ли. Северин насторожен, похож скорее на дикого зверя,

недоверчивого, всегда готового к прыжку. На него можно положиться – достаточно взглянуть в чистые синие глаза. Он из тех, кто не предаст товарищей, кто, если потребуется, жизни за них не пожалеет. Александра... Глеб знал ее дольше других, но в то же время понимал меньше других. Сдержанная, спокойная, строгая. Спина ровная, руки спокойно лежат на коленях. И только легкий румянец выдает внутреннее волнение. Она молодец, специалист по языкам и культурам многих народов. Вот только что скрывается за ее сдержанностью? Там же определенно есть что-то... Только вот нужно ли лезть туда? Хотел бы Глеб, чтобы кто-то залез в душу к нему? Конечно, нет. Вот и Александра, давний надежный товарищ, имеет право на тайну.

На следующий день вся команда решила съездить в Коломенское.

– Это хорошее, древнее место. Там до сих пор сохранились подземные ходы. Один из них проходит от холма, где расположено старое кладбище и церковь усекновения главы Иоанна Предтечи, – рассказывал Глеб. – Почему бы не присмотреться.

Александра пожала плечами:

– Сомневаюсь, что Библиотека там. Мне самой кажутся более перспективными другие места, например Александровская слобода, излюбленная вотчина Иоанна Грозного.

– Кладбище, говоришь? – живо заинтересовалась Динка. – А что, старое? Готика, вампиры?

– Никаких вампиров, – засмеялся Глеб. – Но, кстати, там сложены действительно древние могильные камни. Даже просто взглянуть на них будет интересно. И, в конце концов, нужно же с чего-то начать наши поиски... Ты что думаешь? – взглянул он на Северина, не принимавшего участия в разговоре.

– Я не против, – улыбнулся парень. – Я в истории не так, как вы с Сашей, разбираюсь, куда скажете – туда и поедem.

– Да и я, в общем, не возражаю, – согласилась Александра.

И они поехали.

День был мрачным и каким-то темным. Когда они подъехали к Коломенскому, все небо покрывали свинцовые тучи.

– Да, неудачно приехали, – заметил Северин, – как бы дождь не вдарил.

– Ну не ехать же назад! – обиженно засопела Динка. – Раз уж выманили меня из-за компа обещанием показать кладбище, так показывайте!

По длинной деревянной лестнице ребята поднялись на вершину холма. Как ни странно, сегодня здесь было безлюдно. От яблоневых садов, расстилавшихся на холме и в низине, к церкви подползал туман. Его длинные змееподобные языки лизали свезенные на кладбище действительно старые надгробия с полустертыми надписями.

– Восемнадцатый и самое начало девятнадцатого века, – тут же датировал надгробия Глеб. – А вообще в районе села Дьяково – как раз вот здесь – с одиннадцатого века люди селились. Чуть дальше на холме археологи раскопки проводят.

Они остановились у металлической ограды кладбища. Калитка оказалась приветственно распахнута, и ребята вошли внутрь.

– А ведь и вправду готично! – обрадованно оглядываясь, заявила Дина. – И церковь подходящая. Веет от нее чем-то таким, особенным.

– Да, – неожиданно поддержала ее Александра, – и название у нее особенное. Чаще всего храмы называют радостно – например, собор Рождества, церковь Преображения, а тут даже название мрачное. Знаешь же историю про то, как царь Ирод велел отрубить голову пророку Иоанну Крестителю, чтобы вознаградить его головой за танец свою падчерицу Саломею.

– Хорошенькая награда! – поежилась Динка. – Наверное, эта Саломея большая оригиналка, если ей мертвая голова понадобилась.

– Посмотрите! – вдруг окликнул их Глеб. – Вон там, на дорожке!

Сквозь туман, едва различимая, двигалась женская фигура. В руках она бережно держала ребенка. И было в этой картинке что-то странное, словно бы несовременное.

– Здесь что, маскарад какой-то? – удивилась Динка. – Вы только посмотрите на ее одежду! Кто сейчас так ходит!

Женщина, не доходя до ребят, остановилась, и в тишине (а только теперь Глеб осознал, что вокруг – тяжелая ватная тишина) послышался плач младенца. Тоненький, жалобный.

– У меня от нее мурашки по коже. Что ей надо? – прошептал Северин, и Глеб с удивлением взглянул на друга: он в первый раз услышал в его голосе страх.

Меж тем женщина повернулась, плеснув подолом длинного платья, и быстро двинулась прочь. Как-то удивительно плавно – словно не шла, а скользила по дорожке.

Глебу вдруг показалось, что чрезвычайно важно догнать незнакомку.

– Постойте! – закричал он.

Но женщина не остановилась. Теперь она почти уже скрылась в тумане, смыкавшемся за ее спиной.

Глеб бросился за ней и с неким облегчением понял, что друзья бегут вместе с ним. Ему казалось, что вот-вот они догонят странную даму с ребенком, но она двигалась на удивление быстро, быстрее, чем можно было предположить. Даже им, привыкшим к ежедневным тренировкам, оказалось тяжело бежать за ней.

– Она направляется ко второму выходу с кладбища! – прохрипела задыхающаяся от бега Александра.

Странно, расстояние вроде пустяковое, но почему они так устали, словно пробежали не один километр?..

– Черт, подвернул ногу! – послышался рядом досадливый голос Северина.

– Давай помогу. – Александра остановилась, тяжело дыша.

А странная женщина была уже совсем близко. Не задумываясь, что остался один – Динка отстала еще чуть раньше, – Глеб продолжал эту странную погоню.

«Какое же огромное это кладбище! А раньше всегда казалось маленьким!» – успел удивиться он, когда увидел, что незнакомка уже не убегает и словно поджидает его.

Глебу тут же стало не по себе. Он медленно приблизился к женщине. Она оказалась еще молодой и красивой. Ребенок на ее руках плакал не переставая.

– Ну что же ты, Коленка, – упрекнула она его, осторожно покачивая свой сверток, и тут же жадно взглянула на Глеба. – Помоги моему мальчику! Согрей его!

В тумане и вправду было очень холодно. Теперь, когда Глеб остановился, парень понял, что замерзает – капли тумана опускались на его открытые руки и тут же замерзали, превращаясь в кристаллики льда. Черт знает, что творится!

– Он же у вас в одеяльце, – удивился Глеб.

– Холодно! – вдруг простонала женщина. – До чего же холодно!

Она вдруг сделала быстрый плавный шаг и прильнула к груди Глеба.

Того словно молнией ударило. Холодно и почему-то больно.

А женщина так же резко отпрянула от него, покачала головой. Ребенок, затихнувший было, снова зашелся в плаче.

– К-кто вы? – едва выговорил Глеб немеющими непослушными губами.

– Сашенька я... была. Но это не важно... – вздохнула женщина. – Уходи отсюда. Ступай от нас! Нет здесь того, что вы ищете! Нет! Понятно! Иди же, пока я не передумала!

– Но...

Незнакомка не стала слушать Глеба и уже растворилась в тумане, откуда надрывно и монотонно доносился младенческий плач.

Глеб попытался двинуться за ней, но тут же больно ударился о внезапно вынырнувшее из глухой белой пелены высокое надгробие.

– Глеб! Что здесь происходит?! – слышался за спиной голос.

Странный туман вдруг отступил и съежился, словно сдувшийся воздушный шарик, а к Глебу уже спешили ребята.

– Я г-говорил с ней. – Зубы еще выбивали дробь, и Глеб едва мог складывать слова, рассыпающиеся непослушными льдинками. – Она с-сказала, чтобы мы ух-ходили отсюда. З-здесь, мол, нет того, что мы ищем. Но откуда она вообще з-знает, что мы ищем. И куда она делась?.. – Глеб с беспокойством огляделся. Никого. Только белая плита.

«Александра Васильевна Васильева и младенец ея Николай» – сообщали выбитые на камне буквы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.